

Александр Абросимов

Костёр из остролиста 18+

18+

Александр Абросимов

Костёр из остролиста 18+

<https://litres.ru/74211888>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Костёр из остролиста»

Зима 1238 года. Пока Орда топчет Русь, в Пскове кипит другая война — за любовь.

Анна спасает мужа-инженера от ледяного равнодушия их брака, но цена пробуждения чувств — древнее клеймо Велеса на её челе и гнев Ордена. Марк должен построить стены против крестоносцев, не понимая, что его жена уже призвала магию леса.

Алиса становится княгиней-воеводшей для сурового Рогволода, рожая ему наследника под грохот монгольских барабанов. Три жизни сплетаются в тугой узел: холодный расчет инженера, первобытная ярость воина и ведьмовская сила женщины, которая готова сжечь город дотла, чтобы спасти сына.

Сможет ли архитектура любви выдержать вес летящих стрел?

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Костёр из остролиста 18+

Глава

«Костёр из остролиста»

Место: Северные земли Руси, Псковская земля, 1238 год.

Пролог. Знак ворона

Зима тысяча двести тридцать восьмого года отказалась умирать. Март пришел в псковские земли ледяным панцирем; солнце вставало красным, как кровь жертвенного петуха, но не имело сил растопить наст. Воздух звенел от мороза так, что казалось если ударить в ладоши, небо рассыплется стеклянной крошкой.

Всеслав стоял по пояс в снегу за околицей села Выбуты. На нем была только холщовая рубаха, несмотря на то что дыхание вырывалось изо рта густым паром. В руках он держал лук из вяза, тетива которого натянулась до предела. Перед ним, на старой березе, сидел огромный черный ворон. Птица смотрела на человека бусиной глаза, наклонив голову, и молчала. Это было неправильно. Вороны смерти всегда кричат.

Я слушаю, хрипло выдохнул Всеслав. Голое плечо под на-

кидкой покрывалось мурашками, но он не смел пошевелиться. Жрецы Велеса говорили: крик птицы открывает рот Иному миру. Если заговоришь первым заберут душу вместо вести.

Ворон каркнул коротко, сухо, словно сломали сухую ветку. И слетел прямо на изгиб лука, царапнув когтем полированное дерево. От птицы пахло не падалью, а озоном тем самым запахом, который бывает после удара молнии в дуб.

Всеслав опустил оружие. Сердце пропустило удар. Он знал этот знак. Не смерть. Перемена. То, что рушит судьбы князей и ломает хребты законам предков.

Он поклонился птице в пояс, касаясь лбом мерзлого наста, и пошел обратно к деревне, оставляя за собой глубокую борозду в снегу. Ему было двадцать два года, и этой ночью ему снилась чужая свадьба.

—

Глава 1. Вес венца

Дом посадника Боривоя пах смолой, жареным мясом и пьянящей сладостью медовухи. Здесь справляли сговор. За длинным столом, сколоченным из толстых досок, сидели мужчины бородатые, тяжелые, похожие на старые замшелые камни. Они решали судьбу границ, торговых путей и жизней.

Всеслав сидел на самом краю, подальше от очага. Жар пламени казался ему оскорблением после того холода, которым дышал сегодня лес. Рядом с ним плюхнулся его младший брат Радим румяный, шумный, вечно ищущий повод выпить за чужой счет.

Смотри, жрец, какую телочку отдают Рогволоду, толкнул он Всеслава локтем в бок. У боярина Жирослава дочь на выданье. Грудь как два коврига хлеба. Такую обнимать спину сорвешь.

Всеслав не ответил. Его взгляд был прикован к женской половине горницы. Перегородки не было это же не терем княжеский, а просторная изба воина, но женщины держались своим кругом у прялок, делая вид, что заняты работой. Среди цветастых повойников и льняных рубах одна фигура выделялась неподвижностью.

Алиса. Дочь погибшего новгородского сотника, взятая на воспитание Боривоем. Она стояла спиной к столу, глядя в единственное слюдяное оконце. Свет февральского дня очерчивал её силуэт. На ней было платье из тяжелой византийской парчи темно-бордовое, почти черное, расшитое речным жемчугом. Такой наряд стоил больше, чем вся деревня Выбуты со всеми коровами.

Она не плакала. Женщины ее круга не плачут на сговоре.

Но плечи её были напряжены так, что ткань платья, казалось, вот-вот затрещит по швам. Алиса знала. Как знала и кошка, когда хозяин берет в руки ведро, чтобы утопить котят.

Дверь распахнулась, впуская клуб морозного пара. Вошел жених.

Рогволод, сын воеводы Путяты. Человек-глыба. Ростом выше двери, шириною в два обычных мужа. Кольчуга сидела на нем как вторая кожа, а борода была заплетена в три косы с серебряными кольцами. Воин. Хозяин меча. Тот, кто завтра поведет пешцев отбивать тевтонские набеги на границе.

Когда он вошел, разговоры стихли. Даже огонь в печи, казалось, присмирел. Рогволод прошел через всю избу половицы гнулись под его шагами и остановился перед посадником.

По Правде Русской и воле богов, сговор учинен? голос воеводы был низким, как гул земли.

Учинен, кивнул Боривой, тяжело поднимаясь. Коли нет обид промеж родами, бейте по рукам.

Мать Алисы, тихая женщина с лицом, похожим на печеное яблоко, подтолкнула дочь вперед. Девушка сделала шаг. Её ноги в мягких сафьяновых сапожках ступали бесшумно. Она подошла к Рогволоду.

Их разница в росте была чудовищной. Голова Алисы едва

доставала до нагрудной пластины его брони. Она протянула руку узкую, белую, без единой мозоли. Рука лучника, рука книжницы, рука женщины, которая никогда не месила тесто в корыте.

Рогволод посмотрел на эту руку, потом перевел взгляд на лицо невесты. И впервые за весь вечер каменная маска на его лице дрогнула. Уголок губ пополз вверх в кривой, оценивающей усмешке.

Тонковата жила, пробасил он так, что слышали все. Ну да ничего. Война откормит.

Он взял её пальцы своей лапищей. Для стороннего наблюдателя это выглядело как пожатие. Но Всеслав, знающий анатомию боли лучше любого лекаря, увидел правду: пальцы Рогволода сжались чуть сильнее дозволенного обычаем. Неосознанная демонстрация силы. «Ты моя вещь. Мои ножны. Моя собственность».

Алиса не вскрикнула. Только костяшки её пальцев побелели так, что стали цвета мела. А затем она подняла голову. И посмотрела прямо на Всеслава.

Взгляд длился долю секунды вспышка зрачков поверх голов пирующих мужчин. Но Всеславу показалось, что в него плеснули кипятком. В этом взгляде не было ни страха, ни

мольбы. Там плескалась тяжелая, древняя ярость загнанного зверя. И... узнавание. Словно она видела его раньше, хотя их пути никогда не пересекались. Боярыня и лесной служитель Велеса стояли на разных концах мироздания.

Старики начали стучать чашами:
Горько! Горько!

По обычаю, на сговоре поцелуй лишь обозначается легкое касание щек или лба. Но Рогволод решил иначе. Он дернул девушку на себя, заставив её потерять равновесие, и припал к её рту своими губами жесткими, горячими, пахнущим чесноком и пивом. Это был не поцелуй. Это был захват территории. Метка вожака.

Алиса стояла столбом, позволяя этому происходить. Но её свободная рука та, которую не держал жених медленно, незаметно для всех, скользнула вниз вдоль бедра. Пальцы разжались. На колени ей упал маленький сухой цветок, спрятанный в складках платья. Остролист. Зеленый лист с ядовитыми красными ягодами. Символ защиты от злых духов и вечной жизни. Или символ проклятия тому, кто стоит рядом.

Лист соскользнул с парчи и беззвучно утонул в густой шерсти медвежьей шкуры, брошенной на полу.

Рогволод отпустил её, довольно рыкнув и возвращаясь на свое место, к братьям-дружинникам. Алиса осталась стоять одна посреди комнаты. Губы её были искусаны в кровь, но улыбка, которой она проводила взглядом широкую спину жениха, могла бы заморозить адское пламя.

Всеслав почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. Запах озона вернулся. Тот самый, утренний.

Ворон ошибся. Это была не просто перемена. Это была война. Пропасть между старым миром капищ и новым миром креста сужалась, и именно сейчас, в душной избе, полной запаха пота и власти, двое людей оказались по одну сторону баррикад против всего белого света.

Пир продолжался. Мужчины славили Перуна и будущую добычу. Никто не заметил, как девушка в византийской парче перестала дышать ровно, положив правую ладонь себе на грудь, туда, где под кожей заходилась пойманной птицей пульс.

Глава 2. Язык узлов

Пир закончился за полночь, когда даже самые крепкие меды не могли больше держать хмельные головы над столами. Боривой, кряхтя, благословил молодых иконой Николая Чудотворца тяжелой, в серебряном окладе, купленной еще его

дедом у греческих купцов. Рогволод принял икону с должным почтением, приложился губами к холодному стеклу, но глаза его при этом смотрели сквозь святого прямо на сундуки с приданым.

Алису увели спать на женскую половину. Всеслав видел, как её скрыла занавеска из крашеного льна. Он остался сидеть у очага вместе с Радимом и несколькими старшими дружинниками, делая вид, что чинит оперение стрелы. На самом деле он слушал тишину дома. Она звенела по-другому, когда в ней появлялась чужая судьба.

Хороша княгиня будет, пробасил старый десятник Гвездобор, вытирая бороду рукавом. Только смотри, посадник, норовиста. Глазищи-то черные, цыганские. Таковую в узде держать руки сорвешь.

Боривой только отмахнулся:

У Рогволода рука тяжелая. Пригладит. Да и куда ей деваться? За спиной отца-трусости нет, а впереди тевтонская сталь. Ей защитник нужен, а не поэт со свирелью.

При слове «защитник» Всеслав едва заметно поморщился. Он знал другой род защиты. Не та, что рубит голову врагу, а та, что отводит лихорадку заговором или находит воду под землей там, где пересохли все колодцы. Но эти знания стоили бы ему языка на площади Новгорода, скажи он о них

вслух.

Когда дом наконец затих, погрузившись в сытый храп, Всеслав поднялся. Его место было не здесь, среди воинского сна, а снаружи, под звездами. Лес ждал утренней жертвы.

Он вышел через заднюю дверь, кутаясь в волчий кожаный. Воздух ударил по легким чистым спиртом. Снег под ногами хрустел так громко, что казалось этот звук разбудит мертвых.

Всеслав дошел до кромки леса, где начинались священные дубы старой рощи, и замер.

На толстой ветке ближайшего дуба сидела птица. Тот самый ворон. Он никуда не улетел. Ждал.

Ну, говори, прошептал Всеслав, подходя ближе. Чего тебе надо от меня?

Ворон переступил с лапы на лапу. А потом каркнул коротко и указал клювом обратно, в сторону деревни.

Всеслав проследил за направлением. Взгляд уперся в крышу терема Боривоя. В единственное окно женской светелки, которое выходило на лес. Там горел тусклый огонек лучины.

Сердце пропустило такт. Это безумие. Если кто-то из дозорных увидит жреца Велеса под окном невесты воеводы перед свадьбой, Боривой скормит его псам без суда. Старый

посадник терпим к вере сына лишь потому, что боги пока помогают бить чужд. Но тронь его семью и отцовская любовь испарится быстрее росы.

И всё же он пошел. Ноги сами несли его по глубокому снегу, огибая спящие хозяйственные постройки. Сердце стучало уже не тревожно оно гнало кровь азартом охотника. Он чувствовал: то, что происходит сейчас, важнее любых войн. Войны приходят и уходят, оставляя после себя кости и пепел. То, что рождалось этой ночью между ним и дочерью сотника, пахло вечностью.

Окно было низким. Всеслав подошел бесшумно, ступая по утопанному снегу двора босыми ногами (он сбросил валенки у входа в рощу, чтобы железо подошв не осквернило землю). Холод обжигал пятки, приводя разум в состояние предельной ясности.

Лучина внутри почти догорела, чадая сизым дымком. Алиса стояла посреди комнаты. Она была уже не в парче. На ней была простая белая рубаха до пят смертная сорочка, которую невеста надевает перед брачной ночью, прощаясь с девичеством. Волосы распущены по плечам темной волной. Без украшений, без лент просто живая река ночи.

Она смотрела в окно. Прямо на него.

Она знала, что он там. Расстояние в пять шагов между ними пульсировало током. Ни страха, ни стыда. Только вопрос.

Всеслав поднял руку. Медленно, показывая пустые ладони. «Я не вор и не насильник».

Алиса чуть наклонила голову набок. Затем сделала нечто невероятное. Она подняла свои руки к вороту рубахи. Тонкие пальцы коснулись завязок.

«Уходи», кричал его разум. «Беги отсюда, если хочешь дожить до весны».

Но тело не послушалось. Он смотрел, как узел под её ключицей ослабевает. Ткань начала расходиться. Ровно настолько, чтобы показать край костяной бусины, висящей на шее. Амулет. Древний, языческий. Клык неизвестного зверя, перевязанный красной нитью. Такой носят ведуньи, чтобы закрывать душу от сглаза.

Значит, она не просто боярыня. Она знает язык старых богов. От облегчения у Всеслава закружилась голова. Он не один в этом доме, пропитанном запахом ладана.

Алиса вдруг резко дернула рукой. Узел развязался, и амулет упал ей в ладонь. Она сжала его в кулаке, шагнула к окну и резким, точным движением бросила клык наружу.

Олений рог распорол воздух и воткнулся в сугроб прямо

у ног Всеслава, дрожа от удара.

Это был знак. Призыв. Или вызов.

Прежде чем мозг успел отдать приказ, Всеслав оказался у стены. Подоконник был низким. Одним плавным движением, которому позавидовала бы рысь, он перенес вес тела на руки и беззвучно скользнул внутрь избы.

Комната встретила его жаром остывающей печи и запахом сухих трав. Алиса жгла полынь для очищения. Девушка не отступила. Она стояла напротив, сжимая в опущенной руке нож. Простой кухонный нож для резки хлеба. Лезвие тускло блестело в свете последней капли лучины.

Ты пришел убить жениха? спросила она шепотом. Голос звучал ровно, но в нем вибрировала струна готового лопнуть напряжения.

Нет, выдохнул Всеслав. Пар его дыхания смешался с паром её волос. Теперь они стояли так близко, что он чувствовал тепло её кожи. Мечи решают споры князей. Мой клинок слишком тонок для их костей.

Зачем тогда ты лезешь в окно невесты? Хочешь стать первым? в её голосе появилась ядовитая насмешка. Так иди к нему. Рогволод силен, он оценит шутку.

Она издевалась над ним. Прекрасно понимая, что он чув-

ствует. Играла с огнем, зная, что платье пропитано маслом.

Всеслав медленно покачал головой. Он опустил взгляд на её шею. Там, где минуту назад висел клык, кожа покраснела от холода окна.

Я пришел снять это, сказал он.

Алиса нахмурилась:

Что «это»?

Печать. Метку. Когда мужчина берет женщину силой закона, он ставит на неё клеймо. Как на корову. Чтобы всякий видел: стадо принадлежит ему. Рогволод поставил на тебя свое дыхание сегодня. Оно душит твою силу.

Он протянул руку. Пальцы длинные, испачканные древесной смолой и соком трав, совсем не похожие на пухлые сосиски пальцев бояр зависли в дюйме от её горла. Он не касался её. Жрецы не касаются непосвященных без нужды. Касание передает волю.

Позволь мне забрать его страх, произнес он ритуальную фразу. Обычно так говорили умирающим. Оставь себе свою ярость. Она твоя.

Алиса смотрела на его руку расширенными зрачками. Лучина погасла с тихим шипением. Комната погрузилась в абсолютную темноту, разбавленную только серым квадратом

окна.

В темноте звуки становятся громче. Они слышали дыхание друг друга. Два ритма, которые начали совпадать.

Девушка медленно разжала пальцы. Нож тихо стукнул об пол.

Она шагнула вперед, сокращая расстояние до нуля, и прижалась лбом к его груди, прямо туда, где билось сердце. Её волосы пахли дымом, яблоками и свободой.

Делай, прошептала она в шкуру его кожуха. Скорее. Пока я не передумала и не перерезала тебе горло этим ножом просто ради того, чтобы посмотреть, какого цвета у жрецов кровь.

Всеслав улыбнулся в темноте. Закрыв глаза. Положил ладони ей на виски. Большие пальцы легли на сонные артерии.

Он начал говорить. Тихо, нараспев, на языке, который старше Киева и Пскова. Языке ветра и корней. Он не читал заклинаний подчинения. Он пел песню забвения боли. Песню о том, как вода точит камень, не ненавдя его. О том, как дерево растёт сквозь могильную плиту.

Его пальцы чуть надавили. Тепло потекло от его рук в её голову. Алиса вздрогнула всем телом, колени подкосились. Всеслав удержал её, прижимая к себе сильнее. Он забирал

липкий ужас перед Рогволодом, впитывал его в себя, как сухая земля впитывает отраву.

Через минуту она расслабилась в его руках совершенно. Обмякла, доверив вес своего тела чужаку, проникшему в спальню. Дыхание стало глубоким, детским.

Всеслав осторожно поднял её на руки. Она оказалась легкой, легче его боевого лука. Несложная тайна. Опасность. Он отнес её к лавке у стены, укрыл меховым одеялом. Сам сел на пол рядом, привалившись спиной к теплым бревнам.

За стеной, в мужской половине, захрапел Рогволод. Звук был похож на рычание медведя-шатуна. Зверь, уверенный в своей власти над берлогой.

Алиса открыла глаза. В темноте они казались огромными, провалами в бездну.

Он убьет тебя утром, сказала она спокойно. Если найдет. Пусть попробует, ответил Всеслав, глядя на полоску света под дверью. Стрелу в глаз можно получить и от князя. Дерево не выбирает, кого пронзить.

Завтра моя свадьба, напомнила она.

Я знаю, кивнул он. Поэтому я уйду до рассвета. Но я заберу твой страх с собой. Навсегда. Теперь ты принадлежишь только лесу.

Он встал. Наклонился. И впервые коснулся её провел тыльной стороной ладони по щеке. Шершавая кожа лесного жителя коснулась бархата боярской дочери.

Спи, сказал он. Утром ты должна быть красивой. Им нужна красивая кукла. А живой женщины им не удержать.

Он перелез обратно через подоконник, подобрал из снега олений клык и растворился в чернильной тени деревьев прежде, чем первая собака учуяла чужой запах во дворе.

В ту ночь никто в доме Боривоя не заметил отсутствия тишины. Но лед вокруг сердца Алисы треснул. Впереди была свадебная процессия, венец и постель с чужим мужчиной. Но теперь она знала: где-то в лесу есть тот, кто говорит на её языке. Языке узлов, которые можно развязать.

Глава 3. Венец из железа

Рассвет пришел не с солнцем, а с колокольным звоном. Ударили в било на церкви Ильи Пророка тяжело, утробно, заставляя стекла в тереме Боривоя мелко дрожать. Звук был густым, как смола, и таким же вязким. Он оседал на языке металлическим привкусом.

Алиса проснулась мгновенно. Тело было легким, почти

невесомым после вчерашнего ночного визита, но разум работал четко, как механизм баллисты. Страх, который высосал из неё Всеслав, оставил пустоту. А природа, как известно, не терпит пустоты. На место липкого ужаса перед Рогволодом пришла ледяная, кристальная ясность самоубийцы.

Служанки вошли без стука по праву будущей госпожи они теперь имели доступ к её телу в любое время. Начался обряд одевания. Это была пытка шелком. Нижние рубахи тончайшего льна, расшитые речным жемчугом так плотно, что ткань стояла колом. Платье цвета запекшейся крови весило больше кольчуги дружинника.

Голову ниже, матушка, ворковала сваха, затягивая шнуровку на спине так туго, что Алиса почувствовала вкус желчи во рту. Чтоб осаночка лебединая. Жених любит, когда баба тихая да гнется красиво.

Алиса молчала. Она смотрела в отполированный серебряный щит вместо зеркала и видела там чужое лицо: белое, как алебастр, с черными провалами глаз. Сваха надела ей на шею тяжелую золотую гривну знак перехода под покровительство рода мужа. Металл холодил кожу.

А где оберег? вдруг спохватилась одна из девок, заметив пустую нить на шее невесты. Матушка-Богородица! Сглази-

ли невесту!

Мышь съела, ровным голосом ответила Алиса, глядя в глаза своему отражению. Ночью. Прямо с кожей вырвала.

Девки перекрестились и зашептали молитвы от нечистого. Алиса позволила им вплести в косы ленты и надеть на голову венчик тонкий обруч из меди, украшенный бисером. Поверх него полагалось накинуть большое покрывало фату, скрывающую лицо от дурного глаза до самой церкви.

Когда она была готова, вошла мать Боривоя. Старуха оглядела её придирчиво, словно корову на торжище, кивнула удовлетворенно:

Справная. Жирослав будет доволен. Кровь хорошая, новгородская, хоть и сирота. Даст бог, родишь воеводе крепких сыновей, чтобы Орден давить.

Алиса склонила голову в поклоне, пряча улыбку. «Сыновей». Они все думали о продолжении рода, пока мир вокруг рушился. Тевтонские мечи уже точились о камни Изборска, а эти люди всё еще играли в династические шахматы.

Свадебный поезд

На улице ревели рога. Дружина Рогволода выстроилась вдоль улицы железная река стали и меха. Сам жених сидел

на боевом коне, закованный в полированную сталь с головы до пят. Забрало шлема было поднято, но лицо за ним казалось неживой маской. Его конь плясал под тяжелой рукой, чуя запах крови и чужой страх.

Рогволод увидел Алису, выходящую из ворот. Спешился одним широким движением. Подошел. Вблизи он казался еще огромнее. От него пахло конским потом, дегтем и нетерпением.

Идет, прохрипел он довольно. Не сбежала. Хорошая примета.

Он протянул ей руку в боевой перчатке, унизанной шипами. Алиса вложила свои пальцы в стальной капкан. Перчатка сжалась. Не больно просто напоминая о том, кто здесь держит оружие.

Поедешь со мной, приказал он, подсаживая её в седло перед собой.

Алиса оказалась зажата между его могучим телом и лукой седла. Железо доспехов впивалось в спину при каждом шаге коня. Пахло металлом и мужчиной. Это было отвратительно и... безопасно. Рядом с этим ходячим тараном никто не посмеет даже взглянуть на неё косо. Кроме одного человека.

Всеслава нигде не было видно. Но весь путь до церкви

Алиса чувствовала на себе взгляд. Он не обжигал затылок он струился по позвоночнику прохладной водой. Он стоял где-то на крышах или в кронах деревьев, невидимый для христианского бога, которому они сейчас собирались молиться. Её личный леший. Хранитель слепых зон.

Внутри храма

Церковь встретила их запахом ладана и расплавленного воска. Народу набилось столько, что нечем было дышать. Купец Жирослав сиял, пересчитывая глазами гостей союз с воеводой Путятёй делал его вторым человеком в городе.

Священник старый, с бельмом на правом глазу начал службу. Читали Послание Павла о покорности жен мужьям. Голос попа гудел, как шмель в банке. Алиса стояла неподвижно, держа тонкую восковую свечу. Пламя дергалось от сквозняка, бросая тени на фрески Страшного суда.

Наступил момент возложения венцов.

Священник взял два тяжелых металлических обруча, соединенных красной лентой. Символ мученичества. Первым он благословил венец Рогволода и возложил ему на голову. Затем повернулся к Алисе.

И замер.

Его единственный зрячий глаз расширился от ужаса. Рот открылся, беззвучно хватая воздух. Рука со вторым венцом зависла в воздухе и начала мелко трястись.

По толпе прошелестел вздох. Люди завертели головами, пытаясь понять, что напугало святого отца.

Алиса медленно перевела взгляд со священника на икону Николая Чудотворца над алтарем. А затем посмотрела прямо на Рогволода.

Из-под белого убруса, покрывавшего её волосы, вниз по бледному лицу катилась капля крови. За ней вторая. Третья. Кровь заливала её брови, ресницы, стекала по губам, окрашивая подбородок багрянцем. Казалось, девушка стоит в раскаленной печи, и кожа её лопается от жара.

Женщины в задних рядах ахнули. Мать Алисы схватилась за сердце.

Бесноватая! взвизгнул священник, отступая назад и роняя венец. Металл гулко ударился о каменный пол. Изыди!

Рогволод зарычал. Глухо, зверино. Одной рукой он продолжал держать поводья (конь остался снаружи), другой грубо сорвал покрывало с головы невесты, желая увидеть причину этого позора перед всем Псковом.

Кровь перестала течь мгновенно, как только ткань упала. На белом лбу Алисы, ровно посередине, куда должен был лечь холодный металл церковного венца, проступал свежий ожог. Черный, выжженный след в форме оленьего копыта. Знак Велеса.

Тишина в церкви стала плотной, как вода. Даже свечи, казалось, перестали трещать. Сотни глаз смотрели на печать старого бога на лице боярышни, которую выдавали замуж за крестоносца веры Христовой.

Рогволод разжал руку. Покрывало упало на пол. Он смотрел то на черный знак, то на лицо своей невесты. Медленно, очень медленно, шестеренки войны в его голове начали поворачиваться. Это не болезнь. Это вызов. Война началась не на границе с орденом. Она началась здесь, под куполом церкви, на теле его женщины.

Алиса глубоко вдохнула спертый воздух храма. Боль от клейма была острой, очищающей. Она улыбнулась окровавленным губам священнику, который крестился так быстро, что рука превратилась в размытое пятно.

Благословите, батюшка, сказала она сладким, как мед, голосом. Или ваш Бог сегодня глух к молитвам?

Первым опомнился Жирослав. Лице его перекосило яро-

стью тестя, чья дочь принесла бесчестье.

Взять её! крикнул он стражникам. В поруб! Ведьма!

Но прежде чем двое дюжих молодцев успели сделать шаг к алтарю, раздался звук, от которого задрожали стены.

Не крик. Не рык.

Это рассмеялся Рогволод. Грозовым, счастливым смехом человека, нашедшего достойного противника.

Дружинники замерли. Воевода посмотрел на свою невесту, стоящую в луже света от свечей, с лицом, испачканным кровью и черной сажей знака.

Ведьма, значит? пророкотал он, и в голосе его слышалось неприкрытое, первобытное вожеление. Мой отец брал Новгород огнем. Я возьму жену тем, что горит внутри неё.

Он шагнул вперед, оттолкнув плечом будущего тестя. Наклонился к самому уху Алисы, так близко, что она почувствовала жар его дыхания сквозь собственную боль:

Ты моя, ведьма. Вся. Со всеми твоими демонами. Сегодня ночью я буду изгонять их из тебя своим клинком. До самого рассвета.

Он выпрямился, поднял с пола тяжелый металлический венец, предназначенный для неё, и небрежно швырнул его в ящик для пожертвований.

Нам это ни к чему, святой отец, бросил Рогволод через плечо. Моя жена носит другие украшения. Которые нельзя снять вместе с головой.

Он взял её за руку ту самую, на которой остались следы от его пальцев и повел прочь из церкви, мимо застывшей толпы. Толпа расступалась перед ними, как море перед Моисеем. Перед ними шли не просто мужчина и женщина. Шла сила, способная разрушить город. И эта сила принадлежала друг другу по праву самой страшной охоты охоты равных.

Глава 4. Пепел и мед

Пир, который должен был стать символом слияния двух родов, превратился в поле битвы амбиций. Жирослав брызгал слюной, требуя наказать «одержимую», но Путята старый воевода и отец Рогволода лишь гулко хохотал, стуча кубком по столу.

Ты хотел дочь воина или пугливую овцу, купец? гремел воевода. Овца сдохнет первой, когда тевтонцы придут жечь твой двор. А моя невестка будет рожать мне таких же бешеных волчат. Оставь ведьмовство попам, Жирослав. Нам нужна её кровь. И я вижу, она горячая.

Алиса сидела по правую руку от жениха. Венцов не было, священник сбежал, так и не дочитав молитвы, поэтому

Боривой просто приказал выкатить бочки меда на площадь гулять будем по-язычески, раз уж Бог отвернулся.

Рогволод держал ладонь Алисы под столом. Его пальцы больше не были капканом. Теперь это была сталь в бархатном чехле он прижимал её руку к своему бедру, словно успокаивал норовистого пса, доказывая всем вокруг: «Она рычит только для вас. Для меня она лежит у ног». Но Алиса чувствовала ответное пожатие. Он понимал язык знаков лучше, чем думал город.

Всеслав сидел далеко, среди младшей дружины, прямо на полу у двери. Место позорное для вольного человека, почти холопа, но ему нужно было видеть дверь и лицо невесты одновременно. От него пахло гарью и болотной травой. Каждый раз, когда Алиса поворачивала голову, их взгляды скрещивались над головами пьяных бояр. Это длилось секунду, но этого хватало, чтобы легкие горели от нехватки воздуха. Она видела в его глазах не осуждение за сожженную церковь (знак Велеса пришлось ставить огнем), а чистое, хищное одобрение охотника, загнавшего оленя.

Сговор крови

Когда гости дошли до той стадии опьянения, когда песни становятся бессвязными, а блевотина считается доброй приметой изобилия, Рогволод встал. Гул голосов стих. Даже скоморохи замерли со своими сопелями.

Ночь пришла, объявил воевода. По обычаю, молодых должны были вести в клеть под обрядовые песни, осыпая зерном. Время показать жене, кто держит меч в этом доме.

Он рывком поднял Алису из-за стола. Её ноги подкосились, клеймо на лбу пульсировало тупой болью, а выпитый мед ударил в голову. Рогволод перекинул её через плечо, как мешок с мукой, ничуть не заботясь о шлейфе дорогого платья, волочащемся по грязному полу.

Не балуй, жена, прококотал он ей в спину. Я люблю покорность днем. Но ночью мне нравится борьба.

Они вышли на морозный воздух. Площадь перед домом Боровая превратилась в месиво из грязи, соломы и замерзших луж. Дружинники свистели вслед, выкрикивая непристойности про «ведьино семя».

Рогволод нес её к высокому терему, построенному специально для новой семьи. Внутри уже растопили очаг докрасна, молодая должна войти в тепло.

Как только тяжелая дубовая дверь закрылась, отрезая их от шума толпы, атмосфера изменилась. Исчезла показная грубость. Движения Рогволода стали плавными, экономичными. Он опустил Алису на пол бережно, придерживая за талию, пока та привыкала к твердому дереву после качки на плече.

Смотри на меня, сказал он тихо.

Алиса подняла глаза. В свете очага его лицо казалось высеченным из гранита. Он медленно снял шлем, положил на лавку. Провел рукой по лицу, стирая пот.

У тебя знак на лбу, констатировал он. Голос без доспешного забрала звучал иначе глубже, с легкой хрипотцой курильщика. Черное копыто. Лесной бог метит своих. Мой отец говорит, что старые идола спят. Похоже, они просто ждали, пока мы приведем им достойную жертву.

Ты не боишься? спросила Алиса. Сейчас, без свидетелей, маска грозного мужа слетела. Перед ней стоял смертельно уставший человек, которому завтра вести три сотни копий на верную смерть против рыцарей-монахов.

Боюсь ли я демонов своей жены? Рогволод усмехнулся, обнажая крепкие зубы. Нет. Я боюсь пустоты. Моя первая жена умерла родами два года назад. Ребенок задохнулся. С тех пор моя постель холодна, а походы бессмысленны. Мне нужен наследник, способный держать стену щитов. Если твои демоны помогут мне сделать такого сына пусть живут в нашем доме.

Он подошел ближе. Сокращение дистанции. Воздух нагрелся.

Но ты должна понять одну вещь, его рука легла ей на шею сзади, большой палец погладил впадинку у ключицы. Здесь нет твоего леса. Здесь мои стены. Твой жрец может приходить в окно ради разговоров о душе. Но если я увижу, что он касается твоей кожи... я прибью его руки к этим воротам гвоздями. Медленно. Тебе ясно?

Это не было угрозой ревнивца. Это был закон феодала. Всеслав был ересью внутри его крепости. Угроза стабильности.

Алиса кивнула. Ложь легко соскользнула с языка:
Он никто. Прошрое. Страх детства.

Рогволод удовлетворенно хмыкнул. Наклонился и коснулся губами черного клейма на её лбу. Кожа там была горячей.

Хороший знак, прошептал он. Метка боли делает железо прочнее. Раздевайся.

Искусство войны

Брачная ночь началась не со страсти, а с осмотра оружия. Рогволод сел на край широкой кровати, покрытой мехами, и начал снимать элементы доспеха: латные перчатки, набедренники, кольчугу. Каждое звено падало на пол с тяжелым лязгом. Скоро на нем осталась только льняная рубаха.

Алиса стояла посреди комнаты. Служанки раздели её догола еще внизу, оставив лишь нитку речного жемчуга между

грудей. Холод камня пола кусал босые ступни.

Подойди, велел он.

Она шагнула вперед. Остановилась между его расставленных коленей. Он был огромен даже сидя. Его голова находилась на уровне её живота.

Рогволод взял её руки и положил себе на плечи. Затем провел ладонями вверх по её предплечьям, изучая рельеф мышц.

Тонкая, повторил он свое дневное замечание, но теперь в голосе не было пренебрежения. Было любопытство анатома. Но жилистая. Как тетива. Кто учил тебя стоять так ровно? Спина слишком прямая для девки, которую воспитывали прялкой.

Мать говорила: гнисть ветром, но никогда гнисть землей, ответила Алиса. Земля заберет силу.

Он резко дернул её на себя. Алиса упала коленями на кровать по обе стороны от его бедер. Их лица оказались на одном уровне. Нос к носу.

Земли здесь много, сказал он, обхватив её лицо ладонями. Целая страна. Попробуй не согнуться.

Его поцелуй не был похож на утренний захват. Это был допрос. Твердый, требовательный, ищущий слабинку. Язык исследовал её рот, не спрашивая разрешения. Одна его ру-

ка легла на поясницу, властно притягивая её таз вплотную к своим коленям. Алиса почувствовала сквозь тонкую ткань его портов жесткую, горячую тяжесть мужского естества. Инстинктивно она попыталась отстраниться тело помнило страх быть раздавленной.

Но Рогволод не позволил. Он разорвал поцелуй, тяжело дыша.

Не смей сжиматься, приказал он, глядя ей в зрачки. Смотреть мне в глаза. Расслабь живот. Выдохни.

И Алиса выдохнула. Что-то щелкнуло внутри. Этот мужчина командовал войсками. Он знал, как заставить тело подчиняться разуму. Его приказ успокоил панику. Она расслабилась, позволив мышцам живота стать мягкими.

Вот так, кивнул он, словно похвалил щенка. Боль это просто звук тела. Игнорируй звук.

Он опрокинул её на спину одним движением. Мир перевернулся. Меха приняли её в свои объятия. Рогволод навис сверху, опираясь на локти, чтобы не давить всей массой. Его колени раздвинули её бедра шире.

Он вошел в неё резко, одним толчком, разрывая преграду плоти. Алиса закричала коротко, зло, скорее от унижения, чем от боли. Из глаз брызнули слезы.

Рогволод замер сразу же. Замер глубоко внутри неё, горячий, пульсирующий.

Открой глаза, прохрипел он. Посмотри на меня.

Она с трудом разлепила веки. Его лицо было искажено напряжением, капельки пота блестели на лбу.

Я знаю, что такое входящий металл, сказал он очень тихо, почти нежно, двигаясь лишь на дюйм назад и снова вперед, позволяя телу привыкнуть. Я сам кузнец своего меча. Я не стану ломать клинок, вбивая его в ножны силой. Мы сделаем это красиво. Или не выйдем отсюда живыми.

Он начал двигаться. Сначала медленно, задавая ритм дыхания вдох на движение внутрь, выдох на выход. Алиса чувствовала, как уходит спазм. Боль сменялась странным, тянущим ощущением наполненности. Он заполнял собой всё пространство, вытесняя остатки холода, страха и запаха ладана.

Её руки, которые она хотела использовать для удара (ноги отличное оружие), сами собой вплелись в его волосы, жесткие от дорожной пыли. Она царапнула кожу головы ногтями.

Рогволод зарычал. Низко, вибрирующе. Звук шел из самой груди.

Да, прорычал он. Покажи зубки.

Ускорил темп. Кровать начала ритмично, громко стучать массивным изголовьем о бревенчатую стену в такт их движениям. Бух. Бух. Бух. Барабан войны.

Алиса выгнулась дугой, встречая каждый толчок. Жар поднялся от низа живота к горлу. Мир сузился до точки соприкосновения их тел, до запаха его кожи и звука их тяжелого, синхронного дыхания.

В какой-то момент она поняла, что кричит снова. Но это был уже не крик боли. Это был звук освобождения. Знак Велеса на её лбу вспыхнул белым светом под кожей, впитывая жар их сплетенных тел, благословляя этот союз железа и дикого цветка остролиста.

Рогволод кончил с глухим звериным воплем, рухнув на неё всем весом. Но вместо того чтобы придавить, он тут же перенес вес на бок, увлекая её за собой, так что она оказалась прижатой к его сердцу. Огромная ладонь накрыла её затылок, удерживая голову на месте.

Они лежали в тишине, нарушаемой только треском поленьев в очаге и тяжелым дыханием. За стеной продолжала гулять дружина, не зная, что стена этой спальни только что выдержала осаду страшнее любой тевтонской.

Демоны ушли? спустя долгое время спросил он, лениво

рисую пальцем круги на её влажной спине.

Они перешли на твою сторону, воевода, сонно ответила Алиса, проваливаясь в черноту без сновидений. Теперь тебе с ними жить.

Рогволод долго молчал, глядя в потолок. Потом широкая, жестокая улыбка расплзлась по его бородатому лицу. Он поцеловал макушку жены, крепко прижав её к себе, защищая от всего мира, полного огня, льда и предательства.

Глава 5. Ржавчина на стали

Рассвет просочился сквозь щели в ставнях серой, болезненной мутью. Алиса открыла глаза первой. Тело ныло тупой, сладкой болью в тех местах, о существовании которых она раньше не подозревала. Но это была боль живого человека, а не измученного животного.

Она лежала поперек широкой груди Рогволода. Его сердце билось медленно и ровно, как мельничный жернов во время мелкого помола. Во сне с его лица сползла привычная маска каменного идола: разгладились жесткие складки у рта, исчез залегший между бровей «знак войны». Сейчас он выглядел почти юношей если бы не сеть шрамов на ребрах и седая прядь в бороде.

Алиса осторожно, стараясь не разбудить спящего гиганта, выбралась из-под тяжелой медвежьей шкуры. Пол был ледяным. Она поежилась, обхватив себя за плечи, и подошла к кадке с водой, стоявшей в углу. Зачерпнула ковшом, плеснула в лицо. Вода обожгла кожу, смывая засохшие следы крови от клейма и чужую слюну.

В отражении на темном металле таза она увидела себя. Шея покрыта багровыми пятнами поцелуев. На внутренней стороне бедра царапины от металлических колец его доспеха, которые он забыл снять до конца. И взгляд... В её собственных глазах больше не было страха перед Жирославом или гневного пламени мести. Там плескалось что-то новое, пугающее своей глубиной осознание собственной власти. Она выжила в горниле и вышла оттуда закаленной сталью.

Боишься увидеть трещину? голос Рогволода заставил её вздрогнуть. Он не спал. Смотрел на неё из-под полуприкрытых век, опираясь на локоть.

Алиса обернулась. Солнечный луч наконец пробился сквозь ставню, ударив прямо в него. Металлические бляхи на его рубахе вспыхнули, превращая воеводу в языческого бога-громовержца.

Я смотрю, выдержит ли мех мое давление, ответила она,

кивнув на свои ноги.

Рогволод хмыкнул и сел. Движения были скованными да-
ла знать о себе старое ранение в колене, полученное под сте-
нами Сигтуны.

Ты выдержишь. Дерево гнется, пока не станет луком. По-
том оно либо стреляет, либо ломается. Мы будем стрелять
вместе.

Он поднялся одним текучим движением, несмотря на га-
бариты. Подошел к ней вплотную. Без церемоний взял её ли-
цо в ладони, поворачивая к свету. Изучал долго, вниматель-
но, словно читал летопись.

У тебя губы распухли, констатировал он тоном полковод-
ца, осматривающего карту местности. И здесь...

Его палец коснулся черного ожога на лбу. Клеймо всё еще
слегка сочилось сукровицей.

Это нужно закрыть. Не хочу, чтобы моя жена воняла па-
ленным мясом на совете.

Тень в трапезной

Утро спустилось в главный зал Боривоя шумно. Гости
просыпались там же, где пили кто под столом, кто лицом в
миске. Воздух стоял сизый от перегара. Служанки уже выно-
сили бадьи с блевотиной.

Алиса вошла под руку с мужем. Теперь она имела на это право. Их появление вызвало волну шепота. Купцы тарасились на неё так, будто ждали, что у неё из-за спины вырастет хвост или рога. Но смотрели они не только на знак Велеса. Они видели осанку. Женщина, которую вчера собирались принести в жертву политике, сегодня шла как королева, чье королевство начинается сразу за порогом её спальни.

Жирослав сидел во главе стола рядом с Путятой. Лицо тещи цветом напоминало вареную свеклу. Когда молодожены приблизились, купец вскочил, опрокинув кубок:

Бесстыжая! Мало того, что храм Божий ославила меткой сатанинской, так еще и мужа моего позоришь синяками! Люди смотрят!

Действительно, присмотревшись, можно было заметить на шее Алисы, над ключицей, свежий сине-желтый след отпечаток пальцев слишком сильной руки.

Рогволод остановился. Медленно повернул голову. Посмотрел сначала на шею жены, затем на побагровевшее лицо Жирослава. Уголок его рта дернулся вверх.

Хорошая работа, громко похвалил воевода, обращаясь то ли к себе вчерашнему, то ли к теще. Крепко держал. Чтобы не сбежала к любовнику, пока я меч точил.

По столу прокатился нервный смешок дружинников. Жирослав захлопал ртом, хватая воздух. Оскорбление было публичным и чудовищным. Намек на неверность невесты до свадьбы карался смертью рода.

Да ты... смерд... прошипел купец, хватаясь за кинжал на поясе.

Путята-старший тяжело опустил ладонь на стол. Звук удара дерева о дерево прозвучал как выстрел.

Сядь, торгош, пророкотал старый воевода. Моя невестка носит знаки силы. А твоя дочь родила бы мне внука, который ссался бы при виде лука. Благодарю Бога, что мы вообще берем этот брак после такого скандала. Мой сын мог бы сейчас вытереть свой клинок о твои порты и уйти в поход одиноким волком. Но он остался. Потому что ему нужна эта женщина. Вся. Со всеми её демонами и грязными ногами.

Конфликт был подавлен авторитетом старости и стали. Жирослав рухнул на скамью, понимая, что проиграл партию окончательно. Теперь он не просто отдал дочь сильному роду он стал должником этого рода за то, что они согласились скрыть её «ведьмовство».

Посланник

Когда завтрак (похмельная уха и квашеная капуста) подходил к концу, дверь залы распахнулась резко, без стука.

На пороге стоял молодой ратник из городского дозора. Весь в дорожной грязи, пар шел от мокрого плаща. Он упал на одно колено прямо в лужу растаявшего снега с сапог.

Князь-Посадник Псковский челом бьет воеводе Путяте! выпалил гонец, глотая слова. Гонцы из Риги прибыли. Магистр Ливонского ордена просит перемирия для сбора мертвых тел после Рождества. Но слово «перемирие» пишет кровью наших пограничных деревень. Орден перешел Нарову. Замок Изборск окружен. Просят подмоги. Три дня сроку дают, потом повесят послов на воротах.

В зале мгновенно стало тихо. Смех умер. Утренний хмель испарился, оставив лишь головную боль и металлический привкус реальности.

Рогволод встал. Стул скрипнул ножками по полу. Все взгляды обратились к нему. Сегодня ночью он доказал свою силу в постели. Через три дня ему предстояло доказать её на поле боя.

Воин подошел к жене. Склонился к её уху, игнорируя десятки глаз:

Мне пора собирать железо, ведьма.

Иди, спокойно ответила Алиса, глядя ему прямо в глаза. Ни слез, ни женских вздохов. Принеси мне уши магистра. Сделаю ожерелье.

Рогволод коротко рыкнул смех пополам с одобрением и больно, собственнически куснул её за мочку уха. Затем развернулся и пошел к выходу, на ходу отдавая приказы десятникам. Дружина начала подниматься, зазвенела сталь, запахло кожей и дегтем. Мужчины уходили убивать и умирать.

Разговор у очага

Когда тяжелые шаги затихли вдали коридора, Алиса осталась стоять посреди внезапно опустевшей залы. Старики начали расходиться, женщины зашушукались. Боривой тяжело вздохнул:

Ну вот, девка. Вышла замуж. Первый день и сразу вдова.

Война делает мужчин честными, посадник, сказала Алиса. Вчера он хотел покорности. Сегодня знает, что получит отпор. Такие живут дольше.

Она подошла к огромному очагу. Огонь прогорел, остались только жаркие угли. Тепло приятно лизало лицо. Всеслав. Где он? Видел ли он гонца? Понял ли, что времени на их тайные встречи теперь не будет вовсе?

Словно отвечая на её мысль, со стороны кухни, через черный ход, проскользнула фигура. Серый плащ, капюшон низко надвинут. Запах болотной сырости вплеся в аромат печеного хлеба.

Всеслав замер в тени колонны, наблюдая за ней. Вчера он

входил как вор страсти. Сегодня пришел как врач к раненому.

Алиса чуть заметно качнула головой в сторону двери, ведущей на женскую половину. «Иди туда».

Он понял. Бесшумной тенью скользнул мимо слуг, таскающих воду.

Они оказались в тесной комнатухе, где стояли сундуки с приданым. Всеслав сбросил капюшон. Лицо его было землисто-серым, под глазами залегли тени бессонных ночей в лесу.

Орда молчит, выдохнул он вместо приветствия. Половцы копят силы на востоке. А эти крестоносцы жрут нас с запада. Город пуст. У Рогволода едва ли две сотни копий наберется против тысячи меченосцев.

Значит, им нужен бог, ровным голосом произнесла Алиса. Железо хорошо работает против железа. Но когда клинков мало, приходится выпускать безумие.

Она села на низкий табурет. Закатала рукав платья. На предплечье виднелись свежие точки следы укусов Рогволода.

Он назвал меня женой, продолжила она, водя пальцем по отметинам. Перед людьми. Перед Богом. По Правде. Теперь я хозяйка этой крепости. Никто не войдет сюда без моего

ведома. Даже ты.

Всеслав шагнул вперед, схватил её за плечи. Пальцы впились до боли.

Что ты сделала с собой? прошептал он с отчаянием. Этот зверь... он пьет твою кровь. Я видел печать на лбу. Ты сгоришь на костре инквизиции, если Рим узнает!

Если Рим дойдет досюда, нас всех насадят на колья вне зависимости от веры, отрезала она. Перестань смотреть на меня как на овцу, Всеслав. Я приняла его семя. Я ношу его имя. Но душа... она наклонилась ближе, ее дыхание коснулось его губ. Душа принадлежит тому, кто умеет слушать тишину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.